

ШЕСТВИЕ

Поэма-мистерия

в двух частях-актах и в 42-х главах-сценах

Идея поэмы — идея персонификации представлений о мире, и в этом смысле она — гимн баналу.

Цель достигается путем вкладывания более или менее приблизительных формулировок этих представлений в уста двадцати не так более, как менее условных персонажей. Формулировки облечены в форму романсов. Романс — здесь понятие условное, по существу — монолог. Романсы рассчитаны на произнесение — и на произнесение с максимальной экспрессией: в этом, а также в некоторых длиннотах сказывается мистериный характер поэмы. Романсы, кроме того, должны произноситься высокими голосами: нижний предел — нежелательный — баритон, верхний — идеальный — альт. Прочие наставления — у Шекспира в «Гамлете», в 3 акте.

Часть I

Пора давно за все благодарить,
за все, что невозможно подарить
когда-нибудь кому-нибудь из вас
и улыбнуться, словно в первый раз
в твоих дверях, ушедшая любовь,
но невозможно улыбнуться вновь.

Прощай, прощай — шепчу я на ходу,
среди знакомых улиц вновь иду,
подрагивают стекла надо мной,
растет вдаль привычный гул дневной,
а в подворотнях гасятся огни.
— Прощай, любовь, когда-нибудь звони.

Так оглянись когда-нибудь назад:
стоят дома в прищуренных глазах,
и мимо них уже который год
по тротуарам шествие идет.

Вот Арлекин толкает свой возок,
 и каплет пот на уличный песок,
 и Коломбина машет из возка.
 А вот Скрипач, в руках его тоска
 и несколько монет. Таков Скрипач.
 А рядом с ним вышагивает Плач,
 плач комнаты и улицы в пальто,
 блестящих проносящихся авто,
 плач всех людей. А рядом с ним Поэт,
 давно не брит и кое-как одет
 и голоден, его колотит дрожь.
 А меж домами льется серый дождь,
 свисают с подоконников цветы,
 а там, внизу, вышагиваешь ты.
 Вот шествие по улице идет,
 и кое-кто вполголоса поет,
 а кое-кто поглядывает вверх,
 а кое-кто поругивает век,
 как, например, Усталый Человек.
 И шум дождя и вспышки сигарет,
 шаги и шорох утренних газет,
 и шелест непроглаженных штанин
 (не плохо ведь в рейтузах, Арлекин),
 и звяканье оставшихся монет,
 и тени их идут за ними вслед.

Любите тех, кто прожил жизнь впотьмах
 и не оставил по себе бумаг
 и памяти какой уж ни на есть,
 не помышлял о перемене мест,
 кто прожил жизнь, однако же не став
 ни жертвой, ни участником забав,
 в процессию по случаю попав.
 Таков герой. В поэме он молчит,
 не говорит, не шепчет, не кричит,
 прислушиваясь к возгласам других,
 не совершает действий никаких.
 Я попытаюсь вас увлечь игрой:
 никем не замечаемый порой,
 запомните — присутствует герой.

Вот шествие по улице идет.
 Вот ковыляет Мышкин-идиот,
 в накидке над панелью наклонясь.
 — Как поживаете теперь, любезный князь,
 уже сентябрь, и новая зима
 еще не одного сведет с ума,
 ах милый, успокойтесь наконец. —
 Вот позади вышагивает Лжец,
 посажена изящно голова,
 лежат во рту великие слова,
 а рядом с ним, закончивший поход,
 неустрашимый рыцарь Дон Кихот
 беседует с торговцем о сукне
 и о судьбе. Ах, по моей вине
 вам предстает ужасная толпа,
 рябит в глазах, затея так глупа,
 но все не зря. Вот книжка на столе,
 весь разговорчик о добре и зле
 свести к себе не самый тяжкий труд,
 наверняка тебя не заберут.
 Поставь на стол в стакан букетик зла,
 найди в толпе фигуру Короля,
 забытых королей на свете тьма,
 сейчас сентябрь, потом придет зима.
 Процессия по улице идет,
 и дождь среди домов угрюмо льет.
 Вот человек, Бог знает чем согрет,
 вот человек — за пару сигарет
 он всем раскроет честности секрет,
 кто хочет, тот послушает рассказ,
 Честняга — так зовут его у нас.
 Представить вам осмеливаюсь я
 принц-Гамлета, любезные друзья,
 у нас компания — всё принцы да князья.
 Осмелюсь полагать, за триста лет,
 принц-Гамлет, вы придумали ответ,
 и вы его изложите. Идет.
 Процессия по улице бредет,
 и кажется, что дождь уже ослаб,
 маячит пестрота одежд и шляп,
 принц-Гамлет в землю устремляет взор,

Честняге на ухо бормочет Вор,
но гонит Вора Честности пример
(простите — Вор, представить не успел).
Вот шествие по улице идет,
и дождь уже совсем перестает,
не может же он литься целый век,
заметьте — вот Счастливый Человек
с обычною улыбкой на устах.
— Чему вы улыбнулись? — Просто так. —
Любовники идут из-за угла,
белеют обнаженные тела,
в холодной тьме навеки обнялись,
и губы побледневшие слились.
Все та же ночь у них в глазах пустых,
навеки обнялись, навек застыв,
в холодной мгле белеют их тела,
прошла ли жизнь или любовь прошла,
стекает вниз вода и белый свет
с любовников, которых больше нет.
Ступай, ступай, печальное перо,
куда бы ты меня ни привело,
болтливое, худое ремесло,
в любой воде плещи мое весло.
Так зарисуем пару новых морд:
вот Крысолов из Гаммельна и Чорт,
опять в плаще и чуточку рогат,
но, как всегда, на выдумки богат.

3

Достаточно. Теперь остановлюсь.
Такой сумбур, что я не удивлюсь,
найдя свои стихи среди газет,
отправленных читателем в клозет,
самих читателей объятых сном.

Поговорим о чем-нибудь ином.
Как бесконечно шествие людей,
как заунывно пение дождей
среди домов, а Человек озяб,
маячит пестрота одежд и шляп,
и тени их идут за ними вслед,
и шум шагов и шорох сигарет,

и дождь все льется, льется без конца
на Крысолова, Принца и Лжеца,
на Короля, на Вора и на Плач,
и прячет скрипку под пальто Скрипач,
и на Честнягу Чорт накинул плащ.
Усталый Человек закрыл глаза,
и брызги с дон-кихотова таза
летят на Арлекина, Арлекин
Торговцу кофту протянул — накинь.
Счастливец поднимает черный зонт,
Поэт потухший поднимает взор
и воротник, Князь Мышкин-идиот
склонился над панелью: кашель бьет;
процессия по улице идет,
и дождь, чуть прекратившийся на миг,
стекает вниз с любовников нагих.

Вот так всегда, — когда ни оглянись,
проходит за спиной толпою жизнь,
неведомая, странная подчас,
где смерть приходит словно в первый раз
и где никто-никто не знает нас.
Прислушайся — ты слышишь ровный шум,
быть может, это гул тяжелых дум,
а может, гул обычных новостей,
а может быть — печальный хор страстей.

4. Романс АРЛЕКИНА

По всякой земле
балаганчик везу,
а что я видал на своем веку:
кусочек плоти бредет вниз,
кусочек металла летит наверху.

За веком век, за веком век
ложится в землю любой человек,
несчастлив и счастлив,
зол и влюблен,
лежит под землей не один миллион.
Жалей себя, пожалей себя,
одни говорят — умирай за них,
иногда судьба,

иногда стрельба,
иногда по любви, иногда из-за книг.

Ах, будь и к себе и к другим не плох,
может, тебя и помилует Бог,
однако ты ввысь не особо стремись,
ведь смерть — это жизнь, а жизнь — это жизнь.

По темной земле
балаганчик везу,
а что я видал на своем веку:
кусочек плоти бредет вниз,
кусочек металла летит наверх.

5. Романс КОЛОМБИНЫ

Мой Арлекин чуть-чуть мудрец,
так мало говорит,
мой Арлекин чуть-чуть хитрец,
хотя простак на вид,
ах, Арлекину моему
успех и слава ни к чему,
одна любовь ему нужна,
и я его жена.
Он разрешит любой вопрос,
хотя на вид — простак,
на самом деле, он не прост,
мой Арлекин — чудака.
Увы, он сложный человек,
но главная беда,
что слишком часто смотрит вверх
в последние года.
А в небесах летят, летят,
летят во все концы,
а в небесах свистят, свистят
безумные птенцы,
и белый свет, железный свист
я вижу из окна,
ах, Боже мой, как много птиц,
а жизнь всего одна.

Мой Арлекин чуть-чуть мудрец,
хотя простак на вид, —

нам скоро всем придет конец —
вот так он говорит,
мой Арлекин хитрец, простак,
привык к любимым вещам,
он что-то ищет в небесах
и плачет по ночам.

Я Коломбина, я жена,
я езжу вслед за ним,
свеча в фургоне зажжена,
нам хорошо одним,
в вечернем небе высоко
птенцы, а я смотрю.
Но что-то в этом от того,
чего я не люблю.

Проходят дни, проходят дни
вдоль городов и сел,
мелькают новые огни
и музыка и сор,
и в этих селах, в городках
я коврик выношу,
и муж мой ходит на руках,
а я опять пляшу.

На всей земле, на всей земле
не так уж много мест,
вот Петроград шумит во мгле,
в который раз мы здесь.
Он Арлекина моего
в свою уводит мглу.
Но что-то в этом от того,
чего я не люблю.

Сожми виски, сожми виски,
сотри огонь с лица,
да, что-то в этом от тоски,
которой нет конца!
Мы в этом мире на столе
совсем чуть-чуть берем,
мы едем, едем по земле,
покуда не умрем.

6. Романс ПОЭТА

Как нравится тебе моя любовь,
печаль моя с цветами в стороне,
как нравится оказываться вновь
с любовью на войне, как на войне.

Как нравится писать мне об одном,
входить в свой дом как славно одному,
как нравится мне громко плакать днем,
кричать по телефону твоему:

— Как нравится тебе моя любовь,
как в сторону я снова отхожу,
как нравится печаль моя и боль
всех дней моих, покуда я дышу.

Так что еще, так что мне целовать,
как одному на свете танцевать,
как хорошо плясать тебе уже,
покуда слезы плещутся в душе.

Всё мальчиком по жизни, всё юнцом,
с разбитым жизнерадостным лицом,
ты кружишься сквозь лучшие года,
в руке платочек, надпись «никуда».

И жизнь, как смерть, случайна и легка,
так выбери одно наверняка,
так выбери, с чем жизнь тебе сравнить,
так выбери, где голову склонить.

Всё мальчиком по жизни, о любовь,
без устали, без устали пляши,
по комнатам расплескивая вновь,
расплескивая боль своей души.

7. Комментарий

Вот наш поэт, еще не слишком стар,
он говорит неправду, он устал
от улочек ночных, их адресов,
пугающих предутренних часов,

от шороха дождя о диабаз,
от редких, от недружелюбных глаз,
от рева пронсящих машин,
от силуэтов горестных мужчин
здесь, в сумраке, от невеселых слов,
от нелюбви, от беспокойных снов,
Бог знает от чего. И от себя.
Он говорит: судьба моя, судьба
брести всю жизнь по улицам другим
куда-нибудь к друзьям недорогим,
а может быть, домой сквозь новый дождь,
и ощущать реку, стекло и дрожь
худой листвы, идти, идти назад,
знакомый и обшарпанный фасад,
вот здесь опять под вечер оживать
и с новой жизнью жизнь свою сшивать.

Все таковы. Да, все слова, стихи,
вы бродите средь нас, как чужаки,
но в то же время — близкие друзья:
любить нельзя и умирать нельзя,
но что-нибудь останется от вас, —
хотя б любовь, хотя б — в последний раз,
а может быть, обиденная грусть,
а может быть, одни названья чувств.

Вперед, друзья. Вперед. Adieu, tristesse.*
Поговорим о перемене мест,
поговорим о нравах тех округ,
где нету нас, но побывал наш друг —
печальный парень, рыцарь, доброхот,
известный вам идальго Дон Кихот.

8. Романс ДОН КИХОТА

Копье мое, копьё мое, копьё,
оружие, имущество мое,
могущество мое таится в нем,
я странствую по-прежнему с копьём,
как хорошо сегодня нам вдвоем.

* Прощай, грусть (*фр.*).

О чем же я. Ах, эти города,
по переулкам грязная вода,
там ничего особого, о да,
немало богачей встречаю я,
но нет ни у кого из них копьа!

Копье мое, копье мое, копье,
имущество, могущество мое,
мы странствуем по-прежнему вдвоем,
когда-нибудь кого-нибудь убьем,
я странствую, я странствую с копьем.

Что города с бутылками вина,
к ним близится великая война,
безликая беда, и чья вина,
что городам так славно повезло.

КАК ТЕНЬ ЛЮДЕЙ — НЕУЯЗВИМО ЗЛО!

Так что же ты теперь, мое копье,
имущество мое, дитя мое.
Неужто я гляжу в последний раз,
кончается мой маленький рассказ,
греми на голове мой медный таз!

Отныне одному из нас конец!
Прощай, прощай, о Санчо, мой мудрец,
прощайте все, я больше не могу,
блести мой таз, как ангельский венец,
по улице с несчастьями бегу.

9. Комментарий

Смешной романс. Да, все мы таковы,
страдальцы торопливые, увы,
ведь мужество смешно, забавен страх,
легко теперь остаться в дураках.
Пойди пойми, над чем смеется век,
о, как тебе неловко, человек.

Так где-то на рассвете в сентябре
бредешь в громадном проходном дворе,
чуть моросит за чугуном ворот,

сухой рукой ты вытираешь рот,
и вот выходишь на пустой проспект,
и вдоль витрин и вымокших газет,
вдоль фонарей, оград, за поворот
все дальше ты уходишь от ворот,
в которых всё живут еще друзья,
которых ни любить, ни гнать нельзя,
все дальше, дальше ты. И на углу
сворачиваешь в утреннюю мглу.

Ступай, ступай. И думай о себе.
В твоей судьбе, как и в любой судьбе,
переплелись, как теплые тела,
твои дела и не твои дела
с настойчивой усталостью души.
Ты слышишь эту песенку в тиши:

Вперед-вперед, отечество мое,
куда нас гонит храброе жулье,
куда нас гонит злобный стук идей
и хор апоплексических вождей.

Вперед-вперед, за нами правота,
вперед-вперед, как наша жизнь верна,
вперед-вперед, не жалко живота,
привет тебе, счастливая война.

Вперед-вперед, за радиожраньем,
вперед-вперед, мы лучше всех живем,
весь белый свет мы слопаем живьем,
хранимые лысеющим жульем,

хвала тебе, прелестный белый свет,
хвала тебе, удачная война,
вот я из тех, которым места нет,
рассчитывай не слишком на меня.

Прощай, прощай, когда-нибудь умру,
а ты, сосед, когда-нибудь ответь
Лжецу, который делает игру,
когда тебе понадобится смерть.

Ты слышишь эту песенку в тиши.
Иди, иди, пройти квартал спешу.
Ступай, ступай, быстрее проходи.
Ступай, ступай, весь город впереди.
Ступай, ступай, начнется скоро день
твоих и не твоих поспешных дел.
Вот так всегда — здесь время вдаль идет,
а кто-то в стороне о нем поет.
Ступай, ступай, быстрее проходи,
иди, иди, весь город впереди.
Еще на день там возникает жизнь,
но к шествию ты присоединись,
а если надо — будешь впереди,
квартал с поющим песню обойди.

10. Баллада и романс ЛЖЕЦА

Не в новость ложь и искренность не в новость,
попробуйте послушать эту повесть
о горестной истории Лжеца —
балладу без счастливого конца.

Баллада

Не в новость ложь и искренность не в новость.
Какую маску надевает совесть
на старый лик, в каком она наряде
появится сегодня в маскараде,
Бог ведает. Послушайте балладу,
но разделите нежность и браваду,

реальное событие с чудесами —
все это вы проделаете сами.
Придется покорпеть с моим рассказом,
ваш разум будет заходить за разум,
что в общем для меня одно и то же.
Потрудитесь. Но истина дороже.

Я шел по переулку
как ножницы шаги
вышагиваю я
среди бела дня

по проспекту,
как на бумаге,
шагает Некто
наоборот — во мраке.

И вновь благоухали анемоны,
выкрикивали птицы над базаром,
гудели привокзальные колонны,
но я-то проходил среди развалин.

И, Господи, что виделось, что было,
как новая весна меня ловила,
и новым колесом автомобиля
меня на переулочках давила.

И новая весна уже лежала,
любowników ногами окружала
и шарила белесыми руками
и взмахивала тонкими кругами.

Благословен приятель победивший,
благословен удачливый мужчина,
благословен любовник, придавивший
ногой — весну, соперника — машиной.

Лови, лови. Лови меня на слове,
что в улице средь солнца и метели,
что во сто крат лежащий в луже крови
счастливее лежащего в постели.

Слова Лжеца — вы скажете. Ну, что же.
Я щеголяю выдумкой и ложью,
лжецу всегда несчастья дороже:
они на правду более похожи.

Романс

Актер изображает жизнь и смерть,
натягивает бороду, парик.

— Попробуйте однажды умереть! —
знакомый лжец открыто говорит.

Он вечно продолжает свой рассказ,
вы — вечно норовите улизнуть.
Заметив вас, он хочет всякий раз
о вашей жизни что-нибудь сболтнуть.

Он вводит вас в какой-то странный мир
сквозь комнаты дремучие, как лес,
он прячется за окнами квартир,
выкрикивает издали: Я здесь!

Все правильно. Вы чувствуете страх,
все правильно — вы прячете свой взор,
вы шепчете вослед ему — дурак,
бормочете — все глупости и вздор.

Друзья мои, я вам в лицо смотрю,
друзья мои, а вас колотит дрожь,
друзья мои, я правду говорю,
но дьявольски похожую на ложь.

11. Комментарий

Шаги и шорох утренних газет,
и шум дождя, и вспышки сигарет,
и утреннего света пелена,
пустые тени пасмурного дня,
и ложь и правда, что-нибудь возьми,
что движет невеселыми людьми.
Так чувствуешь все чаще в сентябре,
что все мы приближаемся к поре
безмерной одинокости души,
когда дела всё так же хороши,
когда всё так же искренни слова
и помыслы, но прежние права,
которые ты выдумал в любви
к своим друзьям, — зови их, не зови,
звони им — начинают увядать,
и больше не отраднo увидеть
в иной зиме такой знакомый след,
в знакомцах новых тот же вечный свет.

Ты облетаешь, дерево любви.
Моей не задевая головы,
слетают листья к замершей земле,
к моим ногам, расставленным во мгле.
Ты все шумишь и шум твой не ослаб,
но вижу я в твоих ветвях октябрь,

все кажется — кого-то ты зовешь,
но с новою весной не оживешь.
Да, многое дала тебе любовь,
теперь вовеки не получишь вновь
такой же свет, хоть до смерти ищи
другую жизнь, как новый хлеб души.

Да, о Лжеце. Там современный слог
и легкий крик, но не возьму я в толк,
зачем он так несдержан на язык,
ведь он-то уже понял и привык
к тому — хоть это дьявольски смешно, —
что ложь и правда, кажется, одно,
что лживые и честные слова
одна изобретает голова,
одни уста способны их сказать,
чему же предпочтенье оказать.
Как мало смысла в искренних словах,
цените ложь за равенство в правах
с правдивостью, за минимум возни,
а искренность — за привкус новизны.
Пусть говорит Усталый Человек.
Чего мне ждать от этаких калек,
опять пойдут неловкие стихи,
чуть-чуть литературщины, тоски;
когда-нибудь коснешься тех же мук,
и городских элегий новый звук
опять взлетит. Ну, вот и цель и хлеб:
к своим ногам вымеривать их цепь,
к своей судьбе — и поперек и вдоль
у всех у них одна и та же боль.

12. ГОРОДСКАЯ ЭЛЕГИЯ (Романс УСТАЛОГО ЧЕЛОВЕКА)

Осенний сумрак листья шевелит
и новыми газетами белеет,
и цинковыми урнами сереет,
и облаком над улочкой парит.
И на мосту троллейбус тарахтит,
вдали река прерывисто светлеет,

и аленький комок в тебе болеет
и маленькими залпами палит.

И снова наступает забытье,
и льется свет от лампы до бумаги,
глядят в окно на странное жите
пугающие уличные знаки.
Комком бумажным катится твой век
вдоль подворотен, вдаль по диабазу
и в закоулках пропадает сразу.
А ты смотри, ты все смотри наверх.

Хоть что-нибудь увидишь в небесах,
за новыми заметишь облаками...

Как странно обнаружить на часах
всю жизнь свою с разжатыми руками
и вот понять: она — как забытье,
что, не прожив ее четвертой части,
нежданно оказался ты во власти
и вовсе отказаться от нее.

13. Комментарий

Читатель мой, куда ты запропал.
Ты пару монологов переспал,
теперь ты посвежел, сидишь, остришь,
а вечером за преф или за бридж
от нового романа улизнешь,
конечно, если раньше не заснешь.
Так, видимо, угоднее судьбе.
О чем же я горюю, о себе.
Пожалуй, нет. Привычно говорю.
Ведь я и сам немного дарю,
привычно хлопочу: читатель где!
И, кажется, читаю в пустоте.

Горюй, горюй, попробуем сберечь
всех персонажей сбивчивую речь,
что легче, чем сулить и обещать,
чем автора с героями смешать,
чем, вздрагивая, хмыкая, сопя,

в других искать и находить себя.
Горюй, горюй, сквозь наши времена
плывут и проползают имена
других людей, которых нам не знать,
которым суждено нас обогнать,
хотя бы потому, что и для нас
трудней любить все больше всякий раз.

Итак, за сценой нарастает джаз,
и красные софиты в три луча
выносят к рампе песню Скрипача.

14. Романс СКРИПАЧА

Тогда, когда любовью с нами нет,
тогда, когда от холода горбат,
достань из чемодана пистолет,
достань и заложь его в ломбард.

Купи на эти деньги патефон
и где-нибудь на свете потанцуй
(в затылке нарастает перезвон),
ах, ручку патефона поцелуй.

Да, слушайте совета Скрипача,
как следует стреляться сгоряча:
не в голову, а около плеча!
Живите только плача и крича!

На блюдечке я сердце понесу
и где-нибудь оставлю во дворе.
Друзья, ах, догадайтесь по лицу,
что сердца не отыщется в дыре,

проделанной на розовой груди,
и только патефоны впереди,
и только струны-струны, провода,
и только в горле красная вода.

15. Комментарий

Он отнимает скрипку от плеча.
Друзья, благодарите Скрипача.
Так завернем в бумажку пятаки
и — в форточку. И взмах его руки
на дне двора беспомощно мелькнет,
он медленно наклонится, вздохнет
и, растянув в полуулыбке рот,
упавшие монеты подберет.

Вот вспоминай года после войны.
По всем дворам скитаются они,
и музыка ползет вдоль темных стен
то дважды в день, а то и трижды в день.
Свистят, свистят весь день смычки калек,
как будто наступает новый век,
сплошное пенье, скрипки, кутерьма,
и струнами опутаны дома,
и всё смычки военные свистят,
и пятаки по воздуху летят.

Как учит нас столетье выбирать
тот возраст, где удачней умирать,
где целый дом роняет из ОКНА
тот возраст, где кончается война,
тот возраст, где ты шествовал меж пуль.
И голову просовываешь в нуль,
просовываешь новую тоску
в нуль с хвостиком, а хвостик — к потолку.

Но где они, куда они ушли
и где твои слова их не нашли.
Ведь это все звучало не вчера,
и, слыша только скрипки со двора,
сквозь эти дни все рушится вода.
К каким делам мы перешли тогда.

Была ли это правда или ложь,
теперь наверняка не разберешь,
но кто-то был правдив, а кто-то лжив,
но кто-то застрелился, кто-то жив,
а кто играет до сих пор в кино,
но остальные умерли давно.

Но был другой — таким и нужно быть, —
кто ухитрился обо всем забыть,
своей игрой столовые пленяв.

Живи, живи, мы встретимся на днях.

Живи в послевоенных городах,
играй в столовых, вечером — в садах,
играй, играй провинциальный вальс
и мальчикам подмигивай — для нас.
Твой день пройдет, мелькнет, как легкий тур
среди смычков, огней, клавиатур,
провинциальный клен прошелестит,
и женщина знакомая простит,
и Бог простит бездумный краткий век
военных и заслуженных калек,
и ты уйдешь, не задолжав за хлеб,
но искус у окна преодолев...

16

И продолжать осмеливаюсь я.
Вперед, моя громоздкая ладья,
читатель мой, медлительность прости,
мне одному приходится грести.

Вот Арлекин в проулок повернул,
а Лжец Поэту ловко подмигнул
и, за руку схватив, повлек в проход,
за ними увязался Дон Кихот.
И вот они уже у входа в бар.
Усталый Человек на тротуар
бессильно опустил и заснул,
а дождь все лил, и разносился гул
дневных забот, Скрипач висел в петле.

А мы поговорим о Короле.

17. Баллада и романс КОРОЛЯ

Баллада

Жил-был король, жил-был король,
он храбрый был, как лев,
жил-был король, жил-был король,
король без королев.
Он, кроме хлеба, ничего
не ел, не пил вина,
одна отрада у него
была: война, война.

И день и ночь в седле, в седле,
и день и ночь с мечом,
он мчался, мчался по земле,
и кровь лилась ручьем
за ним, за ним, а впереди
рассветный ореол,
и на закованной груди
во мгле мерцал орел.

Летели дни, неслись года,
он не смыкал очей,
о, что гнало его туда,
где вечный лязг мечей,
о, что гнало его в поход,
вперед, как лошадь — плеть,
о, что гнало его вперед,
искать огонь и смерть.
И сеять гибель каждый раз,
топтать чужой посев...

То было что-то выше нас,
то было выше всех.

Ответь, ответь, найди ответ,
тогчас его забудь,
ответь, ответь, найди ответ,
но сам таким не будь.
Он пред врагами честь свою
и шпагу не сложил,
он жизнь свою прожил в бою,
он жизнь свою прожил!

Гони, гони, гони коней,
богатство, смерть и власть,
но что на свете есть сильней,
но что сильней, чем страсть.
Враги поймут, глупцы простят,
а кто заучит роль,
тот страстотерпец, тот солдат,
солдат, мертвец, король.

Простись, простись, простимся с ним,
простимся, чья вина,
что тишь да гладь нужна одним,
другим нужна война,
и дробь копыт, и жизни дробь,
походные костры.
Одним — удар земли о гроб,
другим — кларнет зари.

Романс

— Памятью убитых, памятью всех,
если не забытых, так все ж без вех
лежащих беззлобно — пусты уста,
без песенки надгробной, без креста.

Я-то уж, наверно, ею не храним,
кто-нибудь манерно плачет по ним,
плачет, поминает землю в горсти,
меня проклиная, Господь, прости.

Нет мне изгнанья ни в рай, ни в ад,
долгое дознание, кто виноват,
дело-то простое, гора костей,
Господи, не стоит судить людей.

Ежели ты выжил — садись на коня,
что-то было выше, выше меня,
я-то проезжаю вперед к огню,
я-то продолжаю свою войну.

Я проезжаю. В конце — одно.
Я-то продолжаю, не все ли равно,
все-то на свете в говне, в огне,
саксофоны смерти поют по мне.

Радость или злобу сотри с лица,
орлик мой орлик, крылья на груди,
Жизни и Смерти нет конца,
где-нибудь на свете лети, лети.

18. Комментарий

Как нравится романс его тебе.
Гадай, как оказался он в толпе,
но только слишком в дебри не залезь,
и в самом деле, что он делал здесь,
среди дождя, гудков автомашин,
кто может быть здесь более чужим,
среди обвисших канотье, манжет
и старых пузырящихся газет,
чем вылезший на монотонный фон
нечесанный смятенный солдафон.

Кошмар столетья — ядерный грибок,
но мы привыкли к топоту сапог,
привыкли к ограниченной еде,
годами лишь на хлебе и воде,
иного ничего не бравши в рот,
мы умудрялись продолжать свой род,
твердили генералов имена,
и модно хаки в наши времена;
всегда и терпеливы и скромны,
мы жили от войны и до войны,
от маленькой войны и до большой,
мы все в крови — в своей или чужой.

Не привыкать. Вот взрыв издалека.
Еще планета слишком велика,
и нелегко все то, что нам грозит,
не только осознать — вообразить.

Но оборву. Я далеко залез.
Политика. Какой-то темный лес.
И жизнь и смерть и скука до небес.

Что далее. А далее — зима.
Пока пишу, остывшие дома
на кухнях заворачивают кран,
прокладывают вату между рам,
теперь ты домосед и звездочет,
октябрьский воздух в форточки течет,
к зиме, к зиме все движется в умах,
и я гляжу, как за церковным садом
железо крыш на выцветших домах
волнуется, готовясь к снегопадам.

Читатель мой, сентябрь миновал,
и я все больше чувствую провал
меж временем, что движется бегом,
меж временем и собственным стихом.
Читатель мой, ты так нетерпелив,
но скоро мы устроим перерыв,
и ты опять приляжешь на кровать,
а может быть, пойдешь потанцевать.
Читатель мой, любитель перемен,
ты слишком много требуешь взамен
поспешного внимания твоего.
И мне не остается ничего,
как выдумать какой-то новый ход,
чтоб избежать обилия невзгод,
полна которых косвенная речь,
все для того, чтобы тебя увлечь.
Я продолжаю. Начали. Пора.
Нравоучений целая гора
из детективной песенки Вора.

19. Романс ВОРА

Оттуда взять, отсюда взять.
Куда потом сложить.
Рукою в глаз, коленом в зад,
и так всю жизнь прожить.

И день бежит, и дождь идет,
во мгле летит авто,
и кто-то жизнь у нас крадет,
но непонятно кто.

Держи-лови, вперед, назад,
подонок, сука, тать!
Отсюда взять, оттуда взять,
кому потом продать.

Звонки, гудки, свистки, дела,
в конце всего — погост,
и смерть пришла, и жизнь прошла
как будто псу под хвост.

Свистеть щеглом и сыто жить,
а также лезть в ярмо,
потом и то и то сложить
и получить дерьмо.

И льется дождь, и град летит,
езде огни, вода,
но чей-то взгляд следит, следит
за мной всегда, всегда.

Влезай, влетай в окно, птенец,
вдыхай амбре дерьма,
стрельба и смерть — один конец,
а на худой — тюрьма.

И жизнь и смерть в одних часах,
о, странное родство!
ВСЕВЫШНИЙ СЫЩИК в небесах
и чье-то воровство.

Тебе меня не взять, не взять,
не вдеть кольца в ноздрю,
рукою в глаз, коленом в зад,
и головой — в петлю!

20. Комментарий

Поэты утомительно поют,
а воры нам загадки задают.
Куда девался прежний герметизм.
На что теперь похожей стала жизнь.
Сплошной бордель.

Но мы проявим такт:
объявим-ка обещанный антракт.

Танцуйте все и выбирайте дам.
Осмеливаюсь я напомнить вам:
не любят дамы скучного лица.

Теперь уж недалёко до конца.

*(Уходит, следует десятиминутный
джазовый проигрыш)*

Конец первой части

Часть II

Уже дома пустеют до зари,
листва внизу, и только ветер дует,
уже октябрь, читатели мои,
приходит время новых поцелуев.
Спешат, спешат над нами облака
куда-то вдаль, к затихшей непогоде.
О чем писать, об этом ли уходе.
И новый свет бежит издалека,
и нам не миновать его лучей.
И, может быть, покажется скучней
мое повествование, чем прежде.
Но, Боже мой, останемся в надежде,
что все же нам удастся преуспеть:
вам — поумнеть, а мне — не поглупеть.

Я продолжаю. Начали. Вперед.

21

Вот шествие по улице идет.
Уж вечереет. Город кроет тень.
Все тот же город, тот же год и день,
и тот же дождь и тот же гул и мгла,
и тот же тусклый свет из-за угла,
и улица все та ж, и магазин,
и вот толпа гогочущих разинь.

А вечер зажигает фонари.
Студентики, фарцмены, тихари,
грузины, блядуны, инженера
и потаскушки — вечная пора,
вечерняя пора по городам,
полупарад ежевечерних дам,
солдатики, курсантики — крупа...
Однообразна русская толпа.
О них еще продолжим разговор,
впоследствии мы назовем их — ХОР.

Бредет сомнамбулический отряд.
Самим себе о чем-то говорят,
князь Мышкин, Плач, Честняга, Крысолов
о чем-то говорят, не слышно слов,
а только шум. Бредут, бредут, хрипя,
навек погруженные в себя,
и над Счастливецем зонтик распростерт,
и прижимается к Торговцу Чорт,
принц Гамлет руки сложит на груди,
Любовники белеют позади.

Читатель мой, внимательней взгляни:
завесою дождя отделены
от нас с тобою десять человек.
Забудь на миг свой торопливый век
и недоверчивость на время спрячь,
и в улицу шагни, накинув плащ,
и, втягивая голову меж плеч,
ты попытайся разобрать их речь.

22. Романс князя МЫШКИНА

В Петербурге снег и непогода,
в Петербурге горестные мысли,
проживая больше год от года,
удивляться в Петербурге жизни.

Приезжать на Родину в карете,
приезжать на Родину в несчастье,
приезжать на Родину для смерти,
умирать на Родине со страстью.

Умираешь, ну и Бог с тобою,
во гробу, как в колыбельке чистой,
привыкать на родине к любви,
привыкать на родине к убийству.

Боже мой, любимых, пережитых,
уничтожить хочешь — уничтожишь,
подними мне руки для защиты,
если пощадить меня не можешь.

Если ты не хочешь. И не надо.
И в любви, испуганно любимой,
поскользшись на родине и падай,
оказавшись во крови любимой.

Уезжать, бежать из Петербурга.
И всю жизнь летит до поворота,
до любви, до сна, до переулка
зимняя карета идиота.

23. Комментарий

А все октябрь за окном шумит,
и переулок за ночь перемыт
не раз, не два холодной водой,
и подворотни дышат пустотой.
Теперь все позже гаснут фонари,
неясный свет октябрьской зари
не затопляет мёрзлые предместья,
и все ползет по фабрикам туман,
еще не прояснившимся умам
мерещатся последние известья,
и тархтя и стеклами, и жостью,
трамваи проезжают по домам.

(В такой-то час я продолжал рассказ.
Недоуменье непротертых глаз
и невниманье полусонных душ
и торопливость, как холодный душ,
сливались в ледяющую струю
и рушились в мистерию мою.)

Читатель мой, мы в октябре живем.
В твоём воображении живом
теперь легко представится тоска
несчастливого русского князька.
Ведь в октябре несложней тосковать,
морозный воздух молча целовать,
листья мою поэму...

Боже мой,

что, если ты прочтешь ее зимой
иль в августе воротишься домой
из южных путешествий, загорев,
и, только во вступленьи надоев,
довольством и вниманием убит,
я буду брошен в угол и забыт,
чтоб поразмыслить над своей судьбой,
читатель мой...

А впрочем, чорт с тобой!
Прекрасным людям счастья не дано.
Счастливое рассветное вино,
давно кружить в их душах перестав,
мгновенно высыхает на устах,
и снова погружается во мрак
прекраснодушный идиот, дурак,
и дверь любви запорами гремит,
и в горле горечь тягостно шумит.
Так пей вино тоски и нелюбви
и смерть к себе испуганно зови,
чужие души робко теребя.

Но хватит комментариев с тебя.

Читатель мой, я надоел давно,
но все же посоветую одно:
когда придет октябрь — уходи,
по сторонам презрительно гляди,
кого угодно можешь целовать,
обманывать, грубить и блядовать,
до омерзенья, до безумья пить.
Но в октябре не начинай любить.
(Я умудрен, как змей или отец.)

Но перейдем к Честняге, наконец.

24. Романс для ЧЕСТНЯГИ и ХОРА

Хор:

Здесь дождь и дым и улица,
туман и блеск огня.

Честняга:

Глупцы, придурки, умники,
послушайте меня,
как честностью прославиться,
живя в добре и зле,
что сделать, чтоб понравиться
на небе и земле.

Я знал четыре способа:

— Покуда не умрешь,
надеяться на Господа...

Хор:

Ха-ха, приятель, врешь!

Честняга:

Я слышу смех, иль кажется
мне этот жуткий смех.

Друзья, любите каждого,
друзья, любите всех —
и дальнего и ближнего,
детей и стариков...

Хор:

Ха-ха, он выпил лишнего,
он ищет дураков!

Честняга:

Я слышу смех. Наверное,
я слышу шум машин;
друзья, вот средство верное,
вот идеал мужчин:

— Берите весла длинные,
топор, пилу, перо —
и за добро творимое
получите добро,

стучите в твердь лопатами,
марайте белый лист.
— Воздастся и заплатится...

Хор:

Ха-ха, приятель, свист!
Ты нас считаешь дурнями,
считаешь за детей.

Честняга:

Я слышу смех. Я думаю,
что это смех людей.
И я скажу, что думаю,
пускай в конце концов
я не достану курева
у этих наглецов.
О, как они куражатся,
но я скажу им всем
четвертое и, кажется,
ненужное совсем,
четвертое (и лишнее),
души (и тела) лень.

— За ваши чувства высшие
цепляйтесь каждый день,
за ваши чувства сильные,
за горький кавардак
цепляйтесь крепче, милые...

Хор:

А ну, заткнись, мудака!
Чего ты добиваешься,
ты хлебало заткни,
чего ты дорываешься
над русскими людьми.
Земля и небо — Господа,
но нам дано одно.
Ты знал четыре способа,
но все они — говно.
Но что-то проворонил ты:

чтоб сыто есть и пить,
ты должен постороннему
на горло наступить.
Прости, мы извиняемся,
но знал ли ты когда,
как запросто меняются
на перегной года,
взамен обеда сытного,
взамен «люблю-люблю» —
труда, но непосильного,
с любовью — по рублю.
И нам дано от Господа
немногое суметь,
но ключ любого способа,
но главное — ПОСМЕТЬ,
посметь заехать в рожу
и обмануть посметь,
и жизнь на жизнь похожа!

Честняга:

Но более — на смерть.

25. Комментарий

Предоставляю каждому судить,
кого здесь нужно просто посадить
на цепь и за решетку. Чудеса.
Не лучше ль будет отвести глаза.

И вновь увидеть золото аллея,
закат, который пламени алей,
и шум ветвей и листья у виска,
и чей-то слабый взор издалека,
и над Невою воздух голубой,
и голубое небо над собой.
И сердце бьется медленней в груди,
и кажется — все беды позади,
и даже голоса их не слышны.
И посредине этой тишины
им не связать оборванную нить,
не выйти у тебя из-за спины,

чтоб сад, и жизнь, и осень заслонить.
Стихи мои как бедная листва.
К какой зиме торопятся слова.
Но как листву — испуганно лови
вокруг слова из прожитой любви,
и прижимай ладони к голове,
и по газонной согнутой траве
спеши назад — они бегут вослед,
но кажется, что впереди их нет.
Живи, живи под шум календаря,
о чем-то непрерывно говоря,
чтоб добежать до самого конца
и, отнимая руки от лица,
увидеть, что попал в знакомый сад,
и обернуться в ужасе назад:
— Как велики страдания твои.
Но, как всегда не зная для кого,
твори себя и жизнь свою твори
всей силою несчастья твоего.

26

Средь шумных расставаний городских,
гудков авто и гулов заводских
и теплых магазинных площадей
опять встречать потерянных людей,
в какое-то мгновенье вспоминать
и всплескивать руками, догонять,
едва ли не попав под колесо,
да, догонять, заглядывать в лицо,
и узнавать, и тут же целовать,
от радости на месте танцевать
и говорить о переменах дел,
«да-да, я замечаю, похудел»,
«да-да, пора заглядывать к врачу»,
и дружелюбно хлопать по плечу,
и, вдруг заметив время на часах
и телефон с ошибкой записав,
опять переминаясь и спешить,
приятеля в объятьях придушить
и торопиться за трамваем вслед,
теряя человека на пять лет.

Так обойдется время и со мной.
Мы встретимся однажды на Сенной
и, пары предложений не связав,
раздвинув рты и зубы показав,
расстанемся опять — не навсегда ль? —
и по Садовой зашагает вдаль
мой грозный век, а я, как и всегда,
через канал, неведомо куда.

27

Вот шествие по улице идет
и нас с тобою за собой ведет,
да, нас с тобой, мой невеселый стих.
И все понятней мне желанье их
по улице куда-нибудь плестись,
все отставать и где-то разойтись,
уже навек, чтоб затерялся след,
чтоб вроде бы их не было и нет,
и это не насмешка и не трюк,
но это проще, чем петля и крюк,
а цель одна и в тот и в этот раз,
да, цель одна: пусть не тревожат нас.
Пусть не тревожат нас в осенний день.
Нам нелегко, ведь мы и плоть и тень
одновременно, вместе тень и свет,
считайте так, что нас на свете нет,
что вас толкнула тень, а не плечо.
А нам прожить хотя бы день еще,
мы не помеха, мы забьемся в щель.

А может быть, у них иная цель.

Перед тобою восемь человек,
забудь на миг свой торопливый век
и недоверчивость на время спрячь.
Вон, посмотри, проходит мимо — Плач.

28. ПЛАЧ

В Петербурге сутолка и дрожь,
в переулках судорожный дождь,

вдоль реки по выбоинам скул
пробегают сумеречный гул.

Этот плач по каждому из нас,
это город валится из глаз,
это про-летают у аллей
скомканные луны фонарей.

Это крик по собственной судьбе,
это плач и слезы по себе,
это плач, рыдание без слов,
погребальный звон колоколов.

Словно смерть и жизнь по временам —
это служба вечная по нам,
это вырастают у лица,
как деревья, песенки конца.

Погре-бальный белый пароход,
с полюбовным венчиком из роз,
похо-ронный хор и хоровод,
как Харону дань за перевоз.

Этот стук по нынешним гробам,
это самый новый барабан,
это саксофоны за рекой,
это общий крик за упокой.

Ничего от смерти не убрать.
Отчего так страшно умирать,
неподвижно лежа на спине,
в освещенной вечером стране.

Оттого, что жизни нет конца,
оттого, что сколько ни зови,
все равно ты видишь у лица
тот же лик с глазами нелюбви.

29. Комментарий

Тоска, тоска. Хоть закричать в окно.
На улице становится темно,

и все труднее лица различать,
и все трудней фигуры замечать,
не все ль равно. И нарастает злость.
Перед тобой не шествие, а горсть
измученных и вымокших людей.
И различать их лица все трудней.
Все те же струйки около висков,
все то же тарахтенье башмаков,
тоска ложится поперек лица.
Далёко ли, читатель, до конца.

Тоска, тоска. То тише, то быстрее
вдоль тысячи горящих фонарей,
дождевиков, накидок и пальто,
поблескивая, мечутся авто,
подъезды освещенные шумят,
как десять лет вперед или назад,
и залы театральные поют,
по-прежнему ища себе приют,
по улицам бездомные снуют.

А что бы ты здесь выбрал для себя.
По переулкам, истово трубя,
нестись в автомобиле или вдруг
в знакомый дом, где счастливый твой друг
в прихожей пальцем радостно грозит
за милый неожиданный визит,
а может — с торопливостью дыша,
на хоры подниматься неспеша,
а может быть, оплакивать меня,
по тем же переулкам семена.

Но плакать о себе — какая ложь!
Как выберешь ты, так и проживешь.
Так научись минутой дорожить,
которую дано тебе прожить,
не успевая все предусмотреть,
в которой можно даже умереть,
побольше думай, друг мой, о себе,
оказываясь в гуще и в гурьбе,
быстрее выбирайся и взгляни
хоть раз — не изнутри — со стороны.

Так выбирай сверкающий подъезд
или пластмассу театральных мест,
иль дом друзей, бывшее возлюбя.
Но одного не забывай — СЕБЯ.
Окончен день. Но это для него,
да, для полугероя моего.
А здесь все те же длятся чудеса,
здесь, как и прежде, время три часа,
а может быть — часы мои не лгут —
здесь вечность без пятнадцати минут.

Здесь время врет, а рядом вечность бьет,
и льется дождь, и шествие идет
куда-нибудь по-прежнему вперед,
и наш Торговец открывает рот.

30. Романс ТОРГОВЦА

На свете можно все разбить,
возможно все создать,
на свете можно все купить
и столько же продать.

Как просто ставить жизнь в актив,
в пассив поставив кровь,
купив большой презерватив,
любовь и нелюбовь.

Но как бы долго ни корпел,
но сколько б ни копил,
смотри, как мало ты успел,
как мало ты купил.

Твой дом торговый прогорит,
ты выпрыгнешь в окно,
но Кто-то сверху говорит,
что это все равно.

Ох, если б Он не наезжал
по нескольку недель
в бордель, похожий на базар,
и в город — на бордель.

Когда б Он здесь и не бывал,
не приходил во сны,
когда б ГОСПОДЬ НЕ НАБИВАЛ
СТРАНЕ МОЕЙ ЦЕНЫ,

то кто бы взглядывал вперед,
а кто по сторонам,
смотрел бы счастливый народ
назад по временам,

и кто-то б думал обо мне,
и кто-нибудь звонил,
когда бы смерть пришла — в огне
меня бы схоронил,

и пепел по ветру! как пыль,
не ладанку на грудь!
Как будто не было. НО БЫЛ,
но сам таким не будь.

Прощай, мой пасынок, мой сын,
смотри, как я горю,
и взором взглядывай косым
на родину свою.

Над нами время промолчит,
пройдет, не говоря,
и чья-то слава закричит
немая, не моя.

В погонах века своего,
как маленький простак,
вступай, мой пасынок, в него
с улыбкой на устах,

вдыхая сперму и бензин
посередине дня,
входи в великий магазин,
не вспоминая меня.

31. Комментарий

Увы, несчастливый пример
для тех, кто помнить и любить умел
свои несовершенные дела...
Но к нам идет жестокая пора,
идет пора безумного огня.
(О, стилизованный галоп коня,
и пена по блестящим стремянам,
и всадник Апокалипсиса — к нам!)
Идет пора... Становится темней.
Взгляни на полуплоть полутеней,
взгляни на шевелящиеся рты —
о, если б хоть таким остался ты.
Ведь, может быть, они — сквозь сотни лет
каких-то полных жизнью полусвет.

Огонь. Элементарная стрельба.
Какая элегантная судьба:
лицо на фоне общего гриба,
и небольшая плата наконец
за современный атомный венец
и за прелестный водородный гром...
О, человек наедине со злом!
Вы редко были честными, друзья.
Ни сожалеть, ни плакать здесь нельзя,
отходную столетию не спеть,
хотя бы потому, что не успеть,
хоть потому, что вот мы говорим,
а с одного конца уже горим
и, может статься, завтра этот День.

И кто прочтет мою поэму. Тень.

Огонь, огонь. Столетие — в ружье!
Но — плоть о плоть и влажное белье...
Огонь, огонь. Ты чувствуешь испуг.
...Но темнота и юной плоти стук
в ночи, как современный барабан
перед атакой, и выходит Пан
и не свирель, а флейту достает,
и лес полуразрушенный поет,

растут грибы и плещутся ручьи
сквозь сонные зачатия в ночи.

Играй, играй тревогу и печаль —
кого-нибудь оказывалось жаль,
но было поздно. Видимо, судьба.
И флейта, как архангела труба,
на Страшный Суд меня не позовет.
Вот шествие по улице идет,
и остается пятеро уже.
Так что там у Счастливица на душе.

32. Романс СЧАСТЛИВЦА

Ни родины, ни дома, ни изгнания,
забвенья — нет, и нет — воспоминанья,
и боли, вызывающей усталость,
из прожитой любви не осталось.

Как быстро возвращаются обратно
встревоженные чувства, и отрадно,
что снова можно радостно и нервно
знакомцу улыбаться ежедневно.

Прекрасная, изысканная мука —
смотреть в глаза возлюбленного друга
на освещенной вечером отчизне
и удивляться продолженью жизни.

Я с каждым днем все чаще замечаю,
что все, что я обратно возвращаю —
то в августе, то летом, то весной, —
какой-то странной блещет новизною.

Но по зиме и по земле холодной
пустым, самоуверенным, свободным
куда как легче, как невозмутимей
искать следы любви невозвратимой.

Но находить — полужнакомых женщин,
тела, дома и голоса без трещин,

себя — бегущим по снегу спортсменом,
всегда себя таким же неизменным.

Какое удивительное счастье
узнать, что ты над прожитым невластен,
что то и называется судьбою,
что где-то протянулось за тобою:
моря и горы — те, что переехал,
твои друзья, которых ты оставил,
и этот день посередине века,
который твою молодость состарил —

всё потому, что, чувствуя поспешность,
с которой смерть приходит временами,
фальшивая и искренняя нежность
кричит, как жизнь, бегущая за нами.

33. Комментарий

Волнение чернеющей листвы,
волнение душ и невское волнение,
и запах загнивающей травы,
и облаков белесое гоненье,
и странная вечерняя тоска,
живущая и замкнуто и немо,
и ровное дыхание стиха,
нежданно посетившее поэму
в осенние недели в октябре, —
мне радостно их чувствовать и слышать,
и снова расставаться на заре,
когда светлеет облако над крышей
и посредине грязного двора
блестит вода, пролившаяся за ночь.
Люблю тебя, рассветная пора,
и облаков стремительную рваность
над непокрытой влажной головой,
и молчаливость окон над Невой,
где все вода вдоль набережных мчится
и вновь не происходит ничего
и далеко, мне кажется, вершится
мой Страшный Суд, суд сердца моего.

Я затаюул, что дальше и нельзья.
Но скоро все окончитсЯ, друзья.
Да, слишкoм долго длился мой рассказ —
часы не останoвятся для вас.
Что ж, хорошо. И этому я рад.
Мои часы два месяца стоят,
и шествие по улице идет.
Толпа то убывает, то растет,
и, не переставая, дождик льет.
И жизнь шумит и зажигает свет,
и заболевших навещает смерть,
распахивая форточки квартир
и комнаты с багетами картин,
с пюпитрами роялей, с тишиной,
где Дочь с Отцом, где Бедный Муж с Женой
прощаются. И привыкаешь сам
судить по чувствам, а не по часам
бегущий день. И вот уже легко
понять, что до любви недалеко,
что, кажется, войны нам не достать,
до брошенных друзей рукой подать.
Как мало чувств, как мало слез из глаз
меж прежних нас и современных нас.
Так чем же мы теперь разделены
с вчерашним днем. Лишь чувством новизны,
когда над прожитым поплачешь всласть,
над временем захватывая власть.

Октябрь, октябрь, и колотье в боку,
и самое несносное, наверно,
вдруг умереть на левом берегу
реки, среди которой ежедневно
искал и находил кричащих птиц,
и сызнова по набережным бледным
вдоль улочек и выцветших больниц
ты проносился, вздрагивал и медлил.
Октябрь, октябрь. Пойти недалеко
и одинокость выдать за свободу.
Октябрь, октябрь, на родине легко
и без любви прожить четыре года,
цепляться рукавом за каждый куст,
в пустом саду оказываться лишним
и это описание правды чувств
опять считать занятием невысшим.

Все холоднее в комнате моей,
все реже слышно хлопанье дверей
в квартире, засыпающей к обеду,
все чаще письма сыплются соседу,
а у меня — сквозь приступы тоски —
все реже телефонные звонки.
Теперь полгода жить при темноте,
ладони согревать на животе,
писать в обед, пока еще светло,
смотреть в заиндевшее стекло
и, как ребенку, радоваться дням,
когда знакомцы приезжают к нам.
Настали дни прозрачные, как свист
свирели или флейты. Мертвый лист
настойчиво желтеет меж стволов,
и с пересохших теннисных столов
на берегу среди финляндских дач
слетает век, как целлулойдный мяч.
Так в пригород и сызнова назад.
Приятно возвращаться в Ленинград
из путешествий получасовых
среди кашне, платочков носовых,
среди газет, пальто и пиджаков,
приподнятых до глаз воротников
и с цинковым заливом в голове
пройти у освещенного кафе.

Закончим нашу басню в ноябре.
В осточертевшей, тягостной игре
не те заводки, выкрики не те,
прощай, прощай, мое моралите
(и мысль моя, как белочка и круг).
Какого чорта в самом деле, друг!
Ведь не затем же, чтоб любитель книг
тебе вослед мигнул: Философик! —
и хохотнул, а кто-нибудь с тоской
сочувственно промолвил бы: «на кой».
Так что там о заливе — цвет воды
и по песку замерзшему следы,
рассохшиеся дачные столы,
вода, песок, сосновые стволы,

и ветер все елозит по коре.
Закончим нашу басню в ноябре,
кота любви подтягивай к мешку.

Любовников пропустим по снежку.

35—36. Романсы ЛЮБОВНИКОВ

1

— Нет действия томительней и хуже,
медлительней, чем бегство от любви.
Я расскажу вам басню о союзе,
а время вы подставите любое.

Вот песенка о Еве и Адаме,
вот грезы простолюдина о фее,
вот мадригалы рыцаря о даме
и слезы современного Орфея.

По выпуклости-гладкости асфальта,
по сумраку, по свету Петрограда
гони меня — любовника, страдальца,
любителя, любимчика разлада.

Гони меня, мое повествованье,
подалее от рабства или власти
куда-нибудь — с развалин упованья
на будущие искренние страсти.

Куда-нибудь. Не ведаю. По свету.
Немногое на свете выбирая
из горестей, но радостно по следу,
несчастье по следу посылая.

Как всадники безумные за мною,
из прожитого выстрел за спиною,
так зимняя погоня за любовью
окрашена оранжевою кровью.

Так что же там! Растущее мерцанье,
о Господи, как яростно и быстро.

Не всадника ночное восклицанье,
о Господи, а крик МОТОЦИКЛИСТА.

Так гонятся за нами не по следу —
по возгласу, по выкрику, по визгу,
все вертятся колесики по свету
и фарами выхватывают жизни.

Разгневанным и памятливым оком
оглянешься — и птицею воскреснешь
и обернешься вороном и волком
и ящеркой в развалинах исчезнешь.

И вдруг себя почувствуешь героем,
от страха и от радости присвистни,
как будто домик в хаосе построил
по всем законам статики и жизни.

2

— Бежать, бежать через дома и реки,
и все кричать — мы вместе не навеки,
останься здесь и на плече повисни,
на миг вдвоем посередине жизни.

И шум ветвей как будто шорох платья,
и снег летит, и тишина в квартире,
и горько мне теперь твое объятье,
соединенье в разобщенном мире.

Нет-нет, не плачь, ты все равно уходишь,
когда-нибудь ты все равно находишь
у петроградских тархтящих ставней
цветов побольше у ограды давней.

И только жизнь меж нас легко проходит
и что-то вновь из наших душ уносит,
и шумный век гудит, как пароходик,
и навсегда твою любовь увозит.

Бежит река, и ты бежишь вдоль берега,
и быстро сердце устает от бега,

и снег кружит у петроградских ставень,
взмахни рукой — теперь ты все оставил.

Нет-нет, не плачь, когда других находят,
пустой рассвет легко в глаза ударит,
нет-нет, не плачь о том, что жизнь проходит
и ничего тебе совсем не дарит.

Всего лишь жизнь. Ну вот, отдай и это,
ты так страдал и так просил ответа,
спокойно спи. Здесь не разлюбят, не разбудят,
как хорошо, что ничего взамен не будет.

37. Комментарий

Любовник-оборотень, где же ты теперь,
куда опять распахиваешь дверь,
в какой парадной сызнова живешь,
в каком окошке вороном поешь.
Все ерунда. Ты в комнате сидишь
с газетой, безучастный к остальному.
Кто говорит, что вороном летишь
и серым волком по лесу ночному.
Все ерунда. Ты, кажется, уснул,
ты в сердце все утраты переставил,
ты, кажется, страданья обманул,
послушному уму их предоставил...
И нет тебя как будто бы меж нас,
и бьют часы о том, что поздний час,
и радио спокойно говорит,
и в коридоре лампочка горит.
Но всякий раз, услышав ночью вой,
я пробуждаюсь в ужасе и страхе:
да, это ты вороной и совой
выпрыгиваешь из дому во мраке.
О чем-нибудь, о чем-нибудь ином,
о чем-нибудь настойчиво и нервно,
о комнате с завешенным окном...
Но в комнате с незапертою дверью
рост крыльев в полуночные часы
и перьев шум. И некуда мне деться,

Любовник-оборотень, Господи спаси,
спаси меня от страшного соседства.

Проходит в коридоре человек,
стучит когтями по паркету птица
и в коридоре выключает свет
и выросшим крылом ко мне стучится.

Явление безумия в ночи,
нежданность и испуганность простится,
не прячься, не юродствуй, не кричи, —
никто теперь в тебе не загостится
подолее, чем нужно небесам,
подолее, чем в ночь под воскресенье,
и вскоре ты почувствуешь и сам,
что бедный ум не стоит опасенья,
что каждому дано не по уму.
Да, скоро ты и в этом разберешься
и к бедному безумью своему
привыкнешь и с соседями сживешься.
Прекрасный собеседник у меня!
Вот птичий клюв и зубы человека,
вот, падая, садясь и семеня,
ко мне, полуптенец, полукалека,
скачками приближается на миг
и шепчет мне и корчится от боли:
— Забавный птенчик в городе возник
из пепла убывающей любви,
ха-ха, а вот и я, и погляди,
потрогай перья на моей груди,
там раньше только волосы росли,
татуировки розами цвели,
а вот глаза — не бойся, идиот...

38

Вот шествие по улице идет,
поэма приближается к концу,
читатель рад, я вижу по лицу.
А, наплевать. Я столько говорил,
прикидывался, умничал, острил

и добавлял искусственно огня...
Но кто-то пишет далее меня.

Вот пешеход по городу кружит,
и снегопад вдоль окон мельтешит,
читатель мой, как заболтались мы,
глядишь — и не заметили зимы.
Пустеть домам, и улицам пустеть,
деревьям, не успевшим облететь,
теперь дрожать, чернеть на холоду,
страдать у перекрестков на виду;
а мы уже торопимся, живем
при полумраке, полумрак жуем,
не отличая полночь от зари,
и целый день не гаснут фонари,
и солнце багровеет в небесах,
и все, кто мог, уехали давно.
По вечерам мы ломимся в кино,
но выходя — мы снова в лапах выюг.
И птицы унеслись на юг,
и голоса их в Грузии слышны;
одни вороны северу верны,
и в парках, на бульварах городских
теперь мы замечаем только их,
и снова отражается в глазах
их каркающий крестик в небесах,
и снежный город холоден и чист,
как флейты Крысолова свист.

Вот пешеход по городу кружит,
в простом плаще от холода дрожит,
зажав листок в комочек кулака,
он ищет адрес. Он издалека.
Пойдем за ним. Он не заметит нас,
он близорук, а нынче поздний час,
а если спросит — как-то объясним.
Друзья мои, отправимся за ним.

Кого он ищет в городе моем.
Теперь на снежной улочке вдвоем
остались мы. Быть может, подойти.
Но нет. Там постовые впереди.
Так кто же он, бездомный сей юнец.

.
.
.
.

Кто хочет, тот послушает конец!

Из Гаммельна до Питера гонец
в полвека не домчится, Боже мой,
в дороге обзаводится семьей
и умирает в полпути, друзья!

В Россию приезжают СЫНОВЬЯ.

39. Романс для КРЫСОЛОВА и ХОРА

Шум шагов,
шум шагов,
бой часов,
 снег летит,
 снег летит
 на карниз.

Если слы-
шишь приглу-
шенный зов,
 то спускай-
ся по ле-
стнице вниз.

Город спит,
город спит,
спят дворцы,
 снег летит
 вдоль ночных
 фо-нарей,

город спит,
город спит,
спят отцы,
 обхватив
 животы
 матерей.

В этот час,
в этот час,
в этот миг
 над карни-
 зами кру-
 жится снег,
в этот час
мы уxo-
дим от них,
 в этот час
 мы уxo-
 дим навек.

Нас ведет КРЫСОЛОВ! КРЫСОЛОВ!
вдоль па-не-лей и цин-ковых крыш,
и звенит и летит из углов
СВЕТЛЫЙ ХОР ВОЗВРАТИВШИХСЯ КРЫС.

Вечный мальчик,
молодчик,
юнец,
 вечный мальчик,
 любовник,
 дружок,
обер-нись,
огля-нись,
наконец,
 как вита-
 ет над на-
 ми снежок.
За спи-ной
полусвет,
полумрак,
 только пят-
 нышки, пят-
 нышки глаз,
кто б ты ни
был — подлец
иль дурак,
 все равно
 здесь не вспо-
 мят о нас!

Так запомни лишь несколько слов:
нас ведет от зари до зари,
нас ведет КРЫСОЛОВ! КРЫСОЛОВ!
нас ведет КРЫСОЛОВ —
повтори.

40. Романс принца ГАМЛЕТА

Как быстро обгоняют нас
возлюбленные наши.
Видит Бог,
но я б так быстро добежать не смог
и до безумья.
Ох, Гораций мой,
мне, кажется, пора домой.
Поля, дома, закат на волоске,
вот Дания моя при ветерке,
Офелия купается в реке.
Я — в Англию.
Мне в Англии НЕ БЫТЬ.
Кого-то своевременно любить,
кого-то своевременно забыть,
кого-то своевременно убить,
и сразу неременная тюрьма —
и спятить своевременно с ума.
Вот Дания. А вот ее король.
Когда-нибудь и мне такая роль...
А впрочем — нет...
Пойду-ка прикурю...

Гораций мой, я в рифму говорю!

Как быстро обгоняют нас
возлюбленные наши.
В час безумья
мне кажется — еще нормален я,
когда давно Офелия моя
лепечет язычком небытия.
Так в час любви, в час безумья — вы,
покинув освещенные дома,
не зная ни безумства, ни любви,
целуете и сходите с ума.

Мне кажется, что сбился мой берет.

Вот кладбище — прекрасный винегрет,
огурчики — налево и направо,
еще внизу,
а сверху мы — приправа.
Не быть или быть — вопрос прямолинейный
мне задает мой бедный ум, и нервный
все просится ответ: не быть, НЕ БЫТЬ,
кого-то своевременно забыть,
кого-то своевременно любить,
кого-то своевременно... Пстой!
Не быть или быть! — какой-то звук пустой.
Здесь все, как захотелось небесам.
Я, впрочем, говорил об этом сам.
Гораций мой, я верил чудесам,
которые появятся извне.

БЕЗУМИЕ — вот главное во мне.
Позор на Скандинавский мир.

Далёко ль до конца, **ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР?**
Далёко ль до конца, милорд.
Какого чорта, в самом деле...

41. ЧОРТ!

Новобранцы, новобранцы, новобранцы!
ожидается изысканная драка,
принимайте новоявленного братца,
короля и помазанника из мрака.

Вот я снова перед вами — одинокий,
беспокойный и участливый уродец,
тот же самый черно-белый, длинноногий,
одинокий и рогатый полководец.

Перед веком, перед веком, перед Богом,
перед Господом, глупеющим под старость,
перед боем в этом городе убогом
помолитесь, чтобы что-нибудь осталось.

Все, что брошено, оставлено, забыто,
все, что «больше не воротится обратно»,
возвращается в беспомощную битву,
в удивительную битву за утраты.

Как фонарики, фонарики ручные,
словно лампочки на уличных витринах,
наши страсти, как страдания ночные
этой плоти — и пространства поединок.

Так прислушивайтесь к уличному вою,
возникающему сызнова из детства,
это к мертвому торопится живое,
совершается немислимое бегство.

Что-то рядом затевается на свете,
это снова раздвигаются кровати,
пробуждаются солдаты после смерти,
просыпаются любовники в объятьях.

И поновой зачинаются младенцы,
и поют перед рассветом саксофоны,
и торопятя, торопятя одеться
новобранцы, новобранцы, солдафоны.

Как вам нравится ваш новый полководец!
Как мне нравится построенный народец,
как мне нравятся покойники и дети,
саксофоны и ударник на рассвете!

Потому что в этом городе убогом,
где отправят нас на похороны века,
кроме страха перед дьяволом и Богом,
существует что-то выше человека.

42

Три месяца мне было что любить,
что помнить, что твердить, что торопить,
что забывать на время. Ничего.
Теперь зима и скоро Рождество,
и мы увидим новую толпу.

Давно пора благодарить судьбу
за зрелища, даруемые нам
не по часам, а иногда по дням,
а иногда — как мне — на месяца.
И вот теперь пишу слова конца,
стучит машинка. Смолкший телефон
и я — мы слышим колокольный звон
на площади моей. Звонит собор.
Из коридора долетает спор,
и я слова последние пишу.
Ни у кого прощенья не прошу
за все дурноты. Головы склоня,
молчат герои. Хватит и с меня.

Стучит машинка. Вот и всё, дружок.
В окно летит ноябрьский снежок,
фонарь висячий на углу кадит,
вечерней службы колокол гудит,
шаги моих прохожих замело.
Стучит машинка. Шествие прошло.

сентябрь, октябрь, ноябрь 1961
Ленинград